

© 2020

Сергей Маричев

младший научный сотрудник Центра стратегических и междисциплинарных исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук
(e-mail: prophet314@gmail.com)

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ И «ЭФФЕКТ КОЛЕИ»

В статье рассматривается проблема влияния траектории предшествующего развития, или «эффекта колеи», на существующую институциональную структуру России и возможность социально-экономической модернизации. Обосновывается необходимость учета «эффекта колеи» в концепции инклюзивных и экстрактивных институтов. Рассматриваются факторы рентоориентированного поведения и авторитарической власти как характерных проявлений «эффекта колеи», отрицательно влияющих на возможность осуществления модернизации. Предлагаются несколько вариантов реализации социально-экономической модернизации России с учетом особенностей её институциональной структуры.

Ключевые слова: эффект колеи, мобилизационное развитие, консервативная модернизация, инклюзивные институты, рентоориентированное поведение, авторитария, централизованная власть, патентное право.

DOI: 10.31857/S020736760010112-2

В сложившихся в России условиях масштабная социально-экономическая модернизация может стать если не универсальным решением накопившихся проблем, то одним из инструментов преодоления существующего внутреннего кризиса. В данной статье проблема осуществления модернизации рассматривается с точки зрения институциональной теории, в частности с учетом зависимости от предшествующего развития («эффекта колеи»).

«Эффект колеи» и Qwerty-эффект как факторы закрепления неэффективных институтов. Исследованию проблемы «эффекта колеи» посвящены многочисленные исследования в области экономики, социологии, психологии, истории, физики и других наук. С. Лейбовиц и С. Марголис [1] в общем виде определяют его как зависимость будущего состояния системы (индивида, общества) не только от текущего, но и от гораздо более раннего состояния. В экономике в рамках институциональной теории проблеме зависимости от траектории предшествующего развития уделяется значительное внимание. Так, по мнению Д. Норта, определявшего институты как систему формальных правил и неформальных ограничений, структурирующих взаимодействие людей в обществе [2], разрыв между формальными и неформальными институтами является одним из ключевых факторов торможения социально-экономического развития общества. При этом само возникновение

подобного институционального разрыва, по его словам, объясняется разной скоростью изменения обществом принципов и ограничений, зависящих *от предшествующих правил и норм*.

Основы концепции «эффекта колеи» были заложены гораздо раньше «нортовского» институционального подхода (основанного на ключевом значении прав собственности и трансакционных издержек для институционального развития), в рамках исследования так называемого *qwerty-эффекта*, сформулированного П. Дэвидом и Б. Артуром. По их мнению, возможна победа и закрепление менее эффективного стандарта над более эффективным стандартом в результате влияния случайных обстоятельств и сиюминутных конъюнктурных факторов [3]. Они считали, что внедрение стандарта, отчасти (а в некоторых случаях — в значительной степени) определяется, но не зависит полностью от *предшествующих* событий. Показательным примером, давшим, кроме того, название данному эффекту, является массовое использование в настоящее время клавиатур с так называемой *qwerty-раскладкой*, несмотря на существование клавиатур с другим расположением клавиш, обладающих лучшей эргономикой и позволяющих достичь большей скорости печати. Другим примером *qwerty-эффекта* можно считать победу в 80-х гг. XX века менее совершенного формата записи видео VHS (разработка компании JVC) над Betamax (продукт Sony). Коммерческому превосходству VHS, обладающего худшим качеством передачи изображения и звука по сравнению с Betamax, способствовало несколько факторов, сложившихся ко времени выхода двух стандартов на рынок:

- видеокассеты и видеомэгнитофоны формата VHS были более дешевыми в производстве, одновременно с этим произошел расцвет индустрии видеопроката, ускорившим распространение формата;
- более агрессивный маркетинг компании JVC;
- разница в качестве изображения и звука для массового потребителя была не так очевидна из-за особенностей передачи видеосигнала в то время (сигнал передавался через антенный кабель, что ухудшало качество на выходе).

В результате, к середине 80-х гг. 90% рынка принадлежало VHS, а более совершенная технология Betamax использовалась лишь в профессиональной среде.

Победа формата VHS показывает, что случайные события (развитие индустрии видеопроката и особенности передачи видеосигнала) могут способствовать закреплению менее эффективного стандарта. При этом, если концепция *qwerty-эффектов* рассматривает, по большому счету, технические причины этого явления, то с точки зрения институциональной теории в рамках «эффекта колеи» исследуются социальные явления, связанные с поведением людей [4]. Так, В. Полтерович говорит о существовании институциональных ловушек — внедренных и укоренившихся со временем институтов (неэффективных норм), причем неэффективных по сравнению с другими институтами, в принципе возможными в условиях данной институциональной среды [5]. Возникновение подобных ловушек во многом

связано с историческими особенностями институционального развития того или иного общества. Суть «эффекта колей» (и отличие от qwerty-эффекта) в том, что возможность осуществления социально-экономических изменений предопределена выбором, сделанным в прошлом (возможно, неправильно сделанным) [6], то есть историческое закрепление, так или иначе, превалирует над сиюминутным воздействием совокупных социально-экономических факторов.

Лауреат Нобелевской премии И. Пригожин предполагал, что смена старых институтов в обществе возможна в определенные промежутки времени — в «точках бифуркации», т.е. в такие периоды в эволюции общественных систем, когда сложившаяся под влиянием комплекса факторов — политических, экономических, технологических — институциональная среда максимально восприимчива для изменений [7]. Так, в частности революция 1917 года объясняется сложившейся совокупностью обстоятельств, благоприятных для изменения системы институтов: непопулярность императора Николая II и императрицы у народа, слабость Временного правительства. Открытие новых материалов и форм используемой энергии (нефть, электричество) также являются бифуркационными точками, определяющими направление дальнейшего развития общества. Трудно сказать, определяет ли частота появления точек бифуркации силу «эффекта колей» (то есть, чем чаще они возникают, тем степень зависимости от предшествующего развития ниже, соответственно — проще внедрить и адаптировать новые формальные и неформальные институты), или наоборот. Возможно, поиск ответа на вопрос, что является причиной, а что следствием, в данном случае является лишним. Основной промежуточный вывод заключается в том, что временной отрезок, когда возможно осуществление социально-экономических преобразований, определяется набором внешних и внутренних факторов, влияние которых может привести к долгосрочному закреплению стандартов, не являющихся максимально эффективными (или же неэффективными вовсе). Доказательством этого являются примеры мобилизационного развития в России (модернизации 1695–1724 гг. и 1929–1939 гг.), наследие которых можно проследить и в нынешней институциональной структуре российского общества.

Ретроспективный анализ «эффекта колей» в истории России. Влияние «эффекта колей» при исследовании проблемы модернизации в России прослеживается весьма явно. Исторические особенности эволюции российского общества, напрямую связанные с так называемыми мобилизационными рывками, т.е. аккумулярованием ресурсов всей страны для достижения институциональных и технологических преобразований (зачастую, за счет импорта институтов с Запада [8], при осуществлении социально-экономических процессов, результировали в сложившуюся систему «власти-собственности» [9], поощряющую экстенсивное развитие и использование ресурсной ренты в качестве основного источника доходов. По мнению Е. Балацкого и Н. Плискевич, в истории России было два периода успешной модернизации — реформы Петра I в начале

XVIII в. и советская модернизация периода 20-х гг. прошлого века. При этом обе модернизации, по мнению исследователей, проводились через уже упомянутые «мобилизационные рывки».

Подобные сверхусилия, тем не менее, требуют создания общества с сильной централизованной властью, что негативно сказывается на возможности балансировки институционального развития. Петровская модернизация стала реакцией на военные поражения в борьбе с Турцией за влияние на Азовском море. К моменту начала правления Петра I существовали определенные предпосылки к *постепенной эволюционной* модернизации [10], однако амбиции императора и его стремление имплантировать западные институты в России привели к форсированному социально-экономическому развитию, мобилизационному рывку. Ход и итоги петровской модернизации позволяют говорить о военной модели выстраивания отношений государства с обществом как о единственной возможной альтернативе в условиях перманентной военной экспансии [11]. Когда приоритет при осуществлении модернизации отдается отобранным в соответствии с государственными интересами областям общественно-политической жизни (в частности, военным реформам), сбалансированное институциональное развитие, очевидно, невозможно. Военные реформы несовместимы с социальными преобразованиями, это два разнонаправленных процесса, тормозящих друг друга [10]. Результатом петровских реформ, наряду с успешной реорганизацией народного хозяйства и армии, созданием флота, стало усиление крепостничества, расцвет самодержавия, создание института бюрократии. В контексте рассматриваемой проблемы «эффекта колеи» усиление власти чиновничества, а также ассиметричное развитие социальных институтов являются теми закрепленными нормами (стандартами), которые актуальны и при нынешнем наборе формальных и неформальных институтов.

Как и в случае петровской модернизации, когда перед началом осуществления «мобилизационного рывка» существовали предпосылки для постепенного, эволюционного социально-экономического развития (нивелированные, впрочем, идеей создания военной державы и «регулярного» государства [12]), советская (сталинская) модернизация, вероятно, изначально имела институциональные условия для планомерных преобразований [8]. Сложившийся в условиях Первой мировой войны в западных странах государственно-монополистический капитализм, по мнению В. Ленина, был фактически последней ступенью на пути к построению социализма [8,13]. Если в плане идеологии советская власть активно противопоставляла себя Западу, то экономические институты вполне успешно заимствовались и внедрялись в народное хозяйство. Ядро советской экономической системы, обусловленное особенностями мобилизации ресурсов страны в военное время, было скопировано с западных капиталистических экономик времен Первой мировой войны, в частности, германской [8]. Проводимая в первой половине 1920-х гг. политика НЭПа внедрила в экономику СССР некоторые рыночные, механизмы, характерные для западных стран: так, продразверстка, в рамках

которой у крестьян изымалось до 80% всей сельскохозяйственной продукции, была заменена продналогом (изымалось 30% продукции, излишки крестьяне могли продавать); была отменена карточная система, разрешена аренда и открытие малых частных предприятий, найм рабочей силы. В этот недолгий период (1921–1928 гг.) сформировался социальный слой «кулачества», выступавший, по сути, в роли среднего класса и олицетворявший противоречивость и неуверенность проводимых в то время реформ. С точки зрения «эффекта колеи» период до 1929 года и начала сталинской модернизации был той бифуркационной точкой, когда определялся путь дальнейшего институционального развития страны.

Однако последствия петровской модернизации предопределили направление социально-экономического развития СССР и суть сталинских реформ. Предпосылками к созданию административно-командной системы стало давление низших страт населения, представляющих собой значительную часть населения, привыкшую за период существования крепостного права к социальному иждивенчеству и требовавшую от власти воплощения социалистических идеалов [14]. Кроме того, наличие идеологического противника в лице западных стран и близость новых войн сформировали уверенность советской власти в необходимости форсированной модернизации, очередного «мобилизационного рывка».

Итогом масштабных преобразований стала ускоренная индустриализация, коллективизация сельского населения и создание совхозов, разработка жестких пятилетних планов достижения экономических показателей. Разрушение института «кулачества», становление системы государственного планирования и стремление государства контролировать все сферы жизни общества вместе с раздуванием бюрократического аппарата привели к еще большему торможению институционального развития.

Проблема эффекта колеи применительно к концепции инклюзивных и экстрактивных институтов. Исследование модели мобилизационного развития, используемой в России в разные исторические периоды, важно также в разрезе анализа концепции инклюзивных и экстрактивных институтов, сформулированной Д. Асемоглу и Дж. Робинсоном [15], в соответствии с которой возможности социально-экономического развития в стране определяются в первую очередь качеством экономических и политических институтов. Как определяют авторы, инклюзивные институты направлены на вовлечение народных масс в создание и распределение материальных и духовных благ, а экстрактивные институты, напротив, ограничивают потребление благ большей частью населения и обеспечивают получение сверхдоходов малочисленной элитой (при этом растет коррупция, блокирующая социальные лифты). Согласно их теории, для долгосрочного экономического роста, а также социального процветания необходимо, чтобы и экономические, и политические институты имели характеристики инклюзивности (экономические — частная собственность, возможность накопления благ и свободной продажи излишков, справедливая оплата труда, развитая банковская система с возможностью свободного получения дешевых займов; политические —

плюралистическая партийная система, ограничения на произвольное применение власти, представительство всех слоев населения в парламенте). Тем не менее, авторы допускают возможность экономического роста в условиях экстрактивных институтов, характеризуя, однако, такой рост как кратковременный и весьма нестабильный. Примером такого непродолжительного роста, по их мнению, является СССР, где институты, определяющие экономическую и политическую системы, были явно экстрактивного типа.

При этом авторы признают, что в начале становления СССР имел зачатки инклюзивности (недолгий период НЭПа), однако дальнейшая централизация власти (сосредоточение власти в руках узкой прослойки партийного руководства коммунистов) направила советскую экономику по экстрактивному пути развития. Этим они подтверждают один из промежуточных выводов, представленных в их работе — экономические и политические институты тесно взаимосвязаны, поэтому для достижения экономического роста необходимо соблюдение условия их единовременной инклюзивности; в противном случае, если один из этих типов институтов является экстрактивным, другие институты также деградируют до уровня экстрактивных.

Признавая очевидные достоинства концепции инклюзивных и экстрактивных институтов, необходимо отметить, наверное, главный её недостаток, а именно — игнорирование «эффекта колеи» (при том, что даже концептуально эти два фактора связаны друг с другом). Как в случае СССР, так и на примерах других стран, Асемоглу и Робинсон анализируют институциональные структуры *ex commodo* (в удобное время), т.е. в те временные отрезки, когда наиболее явно прослеживается перекося (дисбаланс) в институциональном развитии в сторону инклюзивности или экстрактивности, либо видны предпосылки для фундаментальных институциональных изменений. С точки зрения авторов, СССР возник одномоментно, и экстрактивность его институциональной системы определяется выбором коммунизма в качестве целевой (но достигнутой только до уровня «развитого социализма») модели общественно-политического строя [8]. Более того, период роста советской экономики объясняется настолько низким исходным уровнем социально-экономического развития, что насильственный сгон крестьян из деревни в город и масштабная индустриализация дали колоссальный толчок для экономического подъема. Такая точка зрения является, по меньшей мере, спорной. Россия в начале XX века имела достаточно развитую экономику, сравнимую по темпам роста с США, проводились реформы (аграрная реформа Столыпина, денежная реформа Витте); рос уровень грамотности населения. Безусловно, помимо положительных аспектов, существовали отрицательные факторы, также оказавшие значительное влияние на институциональную структуру СССР — бюрократия, тяжелое положение крестьянства, зачаточное состояние институтов частной собственности и инновационного развития.

Отмечая безусловные достоинства концепции инклюзивных и экстрактивных институтов при объяснении особенностей формирования

институциональных структур, отсутствие учета зависимости от предшествующей траектории развития является, вероятно, её «узким местом», не позволяющим наиболее точно объяснить неспособность определенных стран выстроить систему экономических и политических инклюзивных институтов. По мнению В. Полтеровича, экономический рост действительно происходит при эффективных (инклюзивных) институтах, однако при этом должно соблюдаться строгое соответствие между технологическим, институциональным и культурным уровнями развития [16]. То есть, *накопленный* культурный и технологический потенциал того или иного общества во многом определяет его возможный уровень институционального развития (и частоту возникновения бифуркационных точек) и наоборот. При экстраполяции данного тезиса на модель мобилизационного развития (в частности, «петровскую» и «сталинскую» модернизации), еще более отчетливо виден отрицательный эффект такого пути развития — рост экономики достигается не естественным путем, а через принуждение, избирательное «подтягивание» некоторых социально-экономических институтов до нужного уровня, что создает разрывы («институциональные рубцы») [17] в институциональной структуре.

Можно сказать, что определяющим фактором для социально-экономического развития того или иного общества является *предшествующий* институциональный выбор, который обуславливает возможность дальнейшего выращивания/развития инклюзивных или экстрактивных институтов. Более того, подытоживая всё вышесказанное, необходимо отметить, что чем дольше централизованная автократическая власть влияет на развитие институтов, тем меньше вероятность их инклюзивности, поскольку для абсолютистских режимов, безусловно, невыгодно предоставление обществу каких бы то ни было экономических и политических свобод. Порочный круг подобной ситуации заключается в том, что при доминирующих экстрактивных институтах практически невозможно формирование противодействующей силы — оппозиции, которая сопротивлялась бы укреплению институтов, поощряющих узурпацию ресурсов властью, как это было, например, в Англии в период Славной революции.

Рентоориентированное поведение и автократическая суть власти как проявление «эффекта колеи» в современной России. В процессе анализа влияния «эффекта колеи» необходимо остановиться на двух ключевых экстрактивных институтах (доставшихся современной России «по наследству»), в большой степени влияющих на возможность масштабной модернизации — рентоориентированное поведение и автократическая суть власти. Их роль в институциональном развитии прослеживается сквозь российскую историю, и само их наличие достаточно легко объяснить. Рентоориентированное поведение обусловлено обширной территорией и значительными природными ресурсами, многочисленным населением и относительно благоприятными природными условиями. В свою очередь формирование абсолютизма политической власти в России началось как реакция на последствия Смуты (1598–1613),

когда была необходима сильная централизованная власть для стабилизации социально-экономических процессов в обществе, при этом закрепление самодержавия сопровождалось прекращением созыва Земских соборов — одного из немногих инклюзивных институтов того времени. Рентоориентированное поведение и самодержавие, будучи взаимосвязанными, более чем на три столетия определили вектор экстенсивного развития страны, делая невозможными необходимые для социально-экономического развития институциональные изменения, такие как появление частной собственности, а также интенсификация промышленного производства за счет внедрения инноваций. Отсутствие последнего также объясняется естественными опасениями самодержавной власти, что разовьется процесс «созидательного разрушения», когда внедрение результатов инновационного процесса приводит к социально-экономическим потрясениям в обществе — внедрение в производство новой технологии может привести к исчезновению определенных профессий, лишению источника доходов со стороны бенефициаров использования устаревшей технологии. Всё это потенциально ведёт к общественному недовольству и возникновению оппозиционных сил, что неприемлемо для власти в условиях экстрактивных политических институтов.

К моменту начала революции 1905–1907 гг. экономика царской России поставляла на экспорт в основном зерно, лес, пушнину; при этом уровень развития частного предпринимательства и инноваций был крайне низким. Патентное право как основной транзакционный институт в этой сфере существовало в виде так называемых привилегий на изобретение — инновационный процесс контролировался государственными комитетами, одобрение изобретений осуществлялось исходя из их соответствия государственным нуждам.

В результате к началу XX века Россия сильно отставала от стран Европы и США по количеству выданных патентов (рис. 1) [18].

В СССР ситуация в сфере развития инноваций кардинально не изменилась. Несмотря на высокий уровень развития советской науки и в целом роста изобретательской активности (к 1987 году количество зарегистрированных изобретений в СССР превышало американский показатель — 83,7 тыс. против 82,9 тыс.), сам инновационный процесс по-прежнему осуществлялся строго централизованно. На смену привилегиям на изобретение пришли авторские свидетельства. Получатель этого документа мог рассчитывать на единоразовую премию или иную денежную выплату. При этом право на изобретение переходило к государству. По сути, такая система организации инновационного процесса не отличалась кардинально от дореволюционной — практическое внедрение результатов инновационной деятельности производилось, исходя из государственных интересов.

Примеры дореволюционной России и СССР подкрепляют тезис Д. Асемоглу и Дж. Робинсона о том, что экстрактивные политические институты (самодержавие, коммунистический строй) рано или поздно

приводят к стагнации/деградации инклюзивных экономических институтов (становление частной собственности в период НЭПа, институт патентного права). Более того, унитаризм и автократия политической власти в России уже в условиях рыночной экономики также отрицательно влияют на развитие патентного права и инновационный процесс в целом.

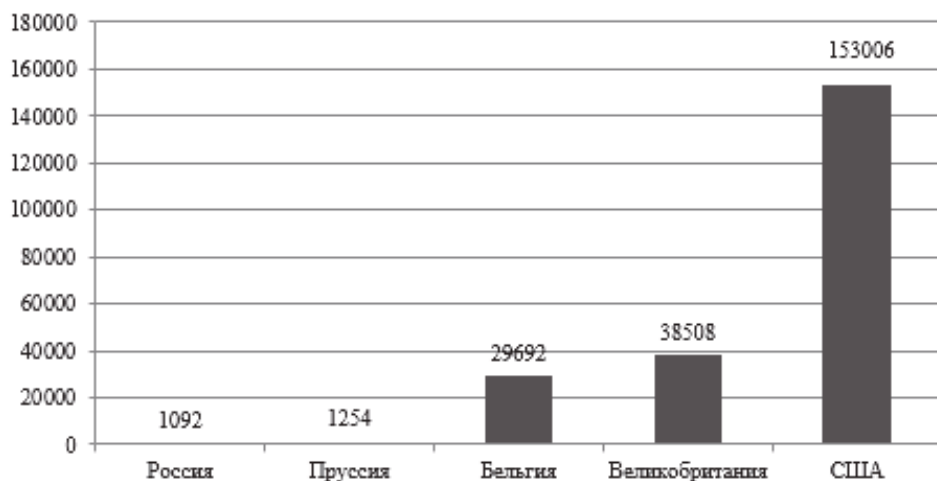

Рис. 1. Количество выданных патентов в России и других странах в период 1813–1875 гг.

Источник: Ревинский Д. О. Патентование изобретений в России (1812–1870 гг.) / Экономическая история. Ежегодник. 2001 // М.: РОССПЭН, 2002. С. 339–376.

Серьезной проблемой с точки зрения институциональных предпосылок для социально-экономической модернизации также является рентоориентированное поведение в российской экономике. Негативное влияние данного фактора для российской экономики заключается в том, что если размер извлекаемой в экономике ренты значительный, то инвестор (выгодополучатель) будет осуществлять инвестиции в получение ренты, а не в развитие производства [19]. Кроме того, научная литература разграничивает понятия «рентоориентированное поведение» и «рентоискательство». Первое определяется как «поведение, направленное на получение сверхдоходов от экономического использования уже имеющихся природных ресурсов» [20]; а второе как использование рентных доходов на поиск новых источников рентных доходов. Явный пример рентоискательства – ОАЭ, где доходы от экспорта нефти используются для постройки и приобретения недвижимости, купли-продажи финансовых инструментов, развития туристической и инновационной отраслей. Таким образом, если термин «рентоориентированное поведение» чаще всего имеет негативную коннотацию, то в случае рентоискательства можно говорить о достижении определенного уровня экономической эффективности от продажи энергоресурсов. По сути, успешный

кейс стратегии рентоискательства в случае ОАЭ (и, с определенными оговорками, Саудовской Аравии) показывает развитие инклюзивных экономических институтов при экстрактивных политических институтах. Ключевым фактором развития институтов рентоискательства, вероятно, являются принципы административного деления ОАЭ — каждый эмират является микрогосударством с определенным набором полномочий, среди которых возможность свободного распоряжения природными ресурсами. Таким образом, нефтяные доходы являются драйвером диверсификации экономики — исходя из потенциала и потребностей отдельного эмирата, не создавая значительных перекосов денежных потоков (и их перераспределения) в сторону единого административного центра.

В свою очередь, в России в условиях слияния власти и собственности, а также использования природной ренты как основного источника пополнения бюджета, не удастся не только перейти от рентоориентированного поведения к инновационно-ориентированному развитию, но даже преобразовывать/инвестировать рентные доходы для развития других отраслей экономики (по типу рентоискательства). Природная рента не преобразуется в создание нового продукта, а лишь распределяется внутри ограниченного круга элиты в рамках сформировавшихся экстрактивных институтов власти-собственности [3]. Власть является одним из основных условий и источников получения рентных доходов, поэтому происходит выдавливание рыночной конкуренции в пользу борьбы за источники экономической власти [21]. Результатом этого становится возникновение олигархических коалиций, картелей и монополий. В таких условиях властвующая элита озадачена не вопросами социально-экономического развития, а борьбой за сохранение власти и получение рентных сверхдоходов. Кроме того, нормальным явлением для власти является противодействие институциональным изменениям, как в политической сфере, так и в экономике, поскольку приход инклюзивных институтов на смену экстрактивным наверняка означает значительные социально-экономические преобразования и отказ от рентоориентированного поведения. Этим в числе прочего можно объяснить де-факто унитарную форму государственного устройства в России при номинально федеративной структуре. Расширение прав и полномочий субъектов РФ в системе взаимоотношений «регион — центр», децентрализация политической власти является необходимым признаком позитивных институциональных изменений [22], поскольку в нормальных условиях при наличии инклюзивных институтов стимулом к институциональным изменениям являются стремление снизить транзакционные издержки, а также создание новых социальных ролей в соответствии с потребностями новых сфер производства и деятельности [17]. В условиях рентоориентированного поведения наиболее вероятны изменения, которые ущемляют права большей части общества в угоду элите.

Экстраполируя вышесказанное на СССР и царскую Россию, можно согласиться с выводами Полтеровича: экстрактивные институты, призванные обогащать узкий круг правящей элиты, самовоспроизводятся

с течением времени, делая всё менее возможными качественные институциональные изменения, поскольку общество, формирующее перемены, должно быть способно произвести лидеров, которые не будут повторять и воспроизводить старый режим [5]. А это, как показывает мировая практика, является трудно осуществимой задачей — как правило, на смену диктатурам приходят еще более тоталитарные режимы. Поэтому неудивительно, что в настоящее время в России при формально либерально-демократическом политическом режиме деградируют/стагнируют инклюзивные политические и экономические институты частной собственности, верховенства и равенства права, плюрализма политической власти. А. Ахиезер в своих исследованиях формирования и развития институтов определял царскую Россию как «промежуточную цивилизацию», где основная масса населения живет в соответствии с традиционными ценностями, порядками и устоями, а тонкая прослойка просвещенной элиты исповедует либеральные идеалы [23]. В современной России ситуация видится строго противоположной — в то время как широкие массы испытывают потребность в либеральных ценностях и институтах, малочисленная элита, отобранная не в соответствии с принципами меритократии, а в результате действия коррупции, покровительства и незаконной передачи власти, стремится сохранить авторитарное государство с сильной централизованной властью, ограниченными правами и свободами населения, размытыми правовыми нормами и законами.

Нужно констатировать, что изначальный институциональный выбор, который имеет под собой обоснование (развитие и закрепление рентоориентированного поведения вследствие большого количества природных ресурсов; становление самодержавия как попытки стабилизации социально-экономических процессов после Смуты), а также последующее его закрепление (мобилизационное развитие как часть внутренней политики Петра I и Сталина, результатом которого стало социальное иждивенчество подавляющей части населения, становление института бюрократии и авторитарная власть, рентоориентированное поведение) привели к тому, что в современной России совокупность экономических, политических и социальных институтов находятся в некоем промежуточном состоянии, формально будучи наделенными свойствами инклюзивности, на практике, однако, являясь экстрактивными. Такая «промежуточность» накладывает определенные ограничения на выбор пути/модели осуществления модернизации.

Варианты осуществления модернизации в России с учетом влияния «эффекта колен». В рамках теории модернизации выделяют несколько путей её осуществления, отличающихся как по масштабам изменений, так и по сути реформ. Например, выделяют первичную (преобразования в странах Европы и США, осуществляемые постепенно, эволюционно, в период промышленной революции) и вторичную модернизации (социально-экономические реформы в отстающих обществах). Кроме того, существует разделение на либеральную (переход к инклюзивной институциональной

структуре западного типа: рыночная экономика, плюрализм политической власти) и консервативную (с высокой долей государственного вмешательства) модернизации. Помимо этого существуют другие подходы к процессу осуществления модернизации: первостепенная важность реформирования сельского хозяйства (К. Гриффин), масштабная (ре)индустриализация (У. Мур, А. Экстайн), модернизация отсталых обществ за счет прямой помощи развитых стран (Э. Леви) [24].

В России, с учетом существенного влияние «эффекта колеи» на институциональное развитие, необходимо рассмотреть несколько вариантов осуществления социально-экономической модернизации.

Первым вариантом является модернизация по типу мобилизационного развития. Исторически такая модель видится наиболее удобной для внедрения в России, где традиционно сильна централизованная власть (способная аккумулировать и перераспределять имеющиеся ресурсы), необходимая для быстрых масштабных преобразований. Однако в современных условиях модернизация по такому сценарию кажется маловероятной. Во-первых, основным мотивом осуществления модернизации мобилизационного типа является наличие явной внешней угрозы, которую необходимо устранить либо успешно ей противодействовать в кратко/среднесрочной перспективе. При этом важность необходимых преобразований (в связи с появлением угроз) и неизбежных потерь и лишений должна восприниматься не только властью, но и населением, прямо вовлеченным в реформы. В свою очередь, нынешняя геополитическая обстановка является относительно стабильной, глобализация социально-экономических процессов привела к тому, что противостояние отдельных государств посредством крупномасштабных военных действий маловероятно.

Во-вторых, несмотря на отставание России в уровне развития инклюзивных экономических институтов, российская экономика остается рыночной. В то же время совместить мобилизационную экономику с рынком невозможно — это уничтожит те сферы экономики, которые в первую очередь нужно развивать в процессе модернизации — малое и среднее предпринимательство, инновационное производство.

Таким образом, вероятность модернизации по типу мобилизационного развития можно оценить как крайне низкую, поскольку подобная стратегия эффективна в условиях военного времени и при экстрактивных институтах. В России, где проблемы социального и экономического развития как раз и заключаются в том, чтобы преодолеть закрепившиеся последствия петровской и сталинской модернизаций, возвращение к стратегии мобилизационной экономики видится крайне неэффективным и маловероятным.

Более вероятным и приближенным к текущим российским реалиям является второй вариант — консервативная модернизация. Более того, именно такая модель была выбрана российской властью в качестве целевой. Это вполне очевидно — так называемая либеральная модель модернизации в условиях постиндустриального общества предполагает со

стороны социальных и экономических институтов развитие информационных технологий, открытого общества, социальной мобильности и рациональности; а также демократию и плюрализм власти со стороны политических институтов — то есть становление и развитие инклюзивных институтов. В свою очередь, для осуществления консервативной модернизации наличие инклюзивных политических институтов не является необходимым условием — преобразования происходят прежде всего в экономике и подчинены политическим задачам действующей несменяемой власти. Итогом подобных преобразований в идеале является качественное улучшение экономических институтов при сохранении/закреплении за правящей элитой её привилегий.

Такой подход успешно сочетается с исторически сложившимся (в результате реформ Петра I и Сталина) патернализмом в российском обществе. Петровская модернизация, закрепившая крепостное право, породила социальное иждивенчество, крайнюю несамостоятельность подавляющей доли населения, а во времена СССР был максимально ужесточен государственный контроль над всеми сферами жизнедеятельности. Так, естественным образом сложилась система отношений, в которой наличие несменяемой авторитарной власти расценивалось не только как преимущество, но и как необходимое условие. Именно поэтому вариант консервативной модернизации как улучшенного варианта мобилизационного развития видится достаточно очевидным при выборе модели осуществления преобразований. Однако в случае России у неё есть очевидный недостаток (помимо консервации политических экстрактивных институтов) — несменяемая власть должна иметь стимулы для проведения модернизации экономики. Между тем российская ресурсная экономика обеспечивает значительный рентный доход для выгодоприобретателей (властной элиты), а транслируемое недовольство минорной части населения является недостаточным стимулом для начала преобразований.

Третьим вариантом является осуществление модернизации на основе рентоискательства. Ранее был приведен кейс ОАЭ, где при весьма экстрактивных политических институтах были проведены экономические реформы. Можно сказать, что модель рентоискательства представляет собой пример консервативной модернизации в рентной экономике. При этом несмотря на то, что подобная стратегия может быть вполне успешно реализована (как показал пример ОАЭ), эффект от изменения только экономических институтов видится достаточно ограниченным.

Так, например, в Саудовской Аравии в рамках программы Vision 2030 (направленной на трансформацию экономики королевства и избавления от нефтяной зависимости) также осуществляются попытки модернизации экономики на основе модели рентоискательства — планируется создавать высокотехнологичные научные центры, планируются инвестиции в образование, развитие туризма и строительства. Несмотря на перераспределение большей части нефтяных доходов среди узкого круга лиц, находящихся у власти, уровень жизни в Саудовской Аравии высокий: действуют

субсидии на воду и продовольствие, мягкая налоговая система, высокий уровень заработной платы, передовое трудовое законодательство. При этом по форме государственного устройства страна является абсолютной монархией, то есть имеет крайне экстрактивные политические институты. В таком случае (когда не существует угрозы передачи власти) у правящей элиты не должно быть стимулов для осуществления модернизации. Тем не менее, в Саудовской Аравии инициатором реформ выступала сама власть, стремившаяся предупредить возможные социальные потрясения. Эффект колеи, который в Саудовской Аравии выражается в виде большого влияния религии и социального напряжения на этой почве (шиитско-суннитские конфликты) и исторической обособленности кланов (трайбализм), заставляет власть проводить социальную политику таким образом, чтобы ликвидировать сами основы для общественного недовольства. Поэтому, для того чтобы поддерживать высокий уровень жизни населения, правящая элита пытается найти способы диверсифицировать экономику, найти новые источники дохода, при этом не разрушая совокупную институциональную структуру.

Однако попытки диверсификации ограничены воздействием экстрактивных политических институтов (сложившихся под влиянием «эффекта колеи»), которые обусловлены исторически сложившейся необходимостью наличия сильной власти для управления общественными процессами. Они так или иначе оказывают негативное влияние на социально-экономические процессы в стране: самая доходная отрасль экономики — нефтяная промышленность, — национализирована, запрещены стачки и локауты, СМИ и масс медиа ограничены цензурой, слабо развита имеющая большой потенциал туристическая сфера [25].

Различия в успешности применения одного и того же подхода к проведению модернизации ОАЭ и Саудовской Аравии заключается, вероятно, в том, что в ОАЭ влияние институтов, которые можно отнести к «эффекту колеи», в определенной степени нивелировано большей инклюзивностью институтов на уровне верховной власти (уникальное сочетание республиканского и монархического строя, более прозападный подход к руководству), благодаря чему религиозная специфика не препятствует развитию туризма и гибкой внешней политике; частный сектор экономики более развит.

Таким образом, стратегия осуществления модернизации по типу рентоискательства в России должна включать решение проблемы рентоориентированного поведения, без этого она рискует быть малоэффективной.

Четвертым вариантом модернизации в России, учитывающим (как и предыдущие) влияние «эффекта колеи», является так называемый восточный тип модернизации. Его характеристика содержится в работе В. Полтеровича и В. Попова [19] и заключается в том, что все страны, сумевшие стать развитыми за последние 50 лет (по большей части государства Юго-восточной Азии), в периоды решающего экономического рывка имели весьма жесткие политические режимы. Действительно, понятие «азиатское экономическое чудо», описывающее взрывной рост экономик

Японии, Южной Кореи, Китая и Сингапура в разные временные промежутки XX века (с конца Второй мировой войны и по сегодняшний день), характеризуется в первую очередь ролью централизованной власти в модернизации экономики. «Восточность» модернизаций вышеперечисленных стран заключается в особенностях общества, достаточно толерантного к авторитарным государственным режимам (зачастую диктатуре), вере в «праведную» (справедливую) централизованную власть. Государство, в свою очередь, реализует свои патерналистские функции, как то защита населения, улучшение его благосостояния, качественное и количественное улучшение общественного сектора в условиях несырьевой экономики без возможности использования рентоориентированного поведения. Другой особенностью азиатских обществ является высокий уровень накопленного социального капитала — в случае Японии, Южной Кореи и Китая это является примером положительного влияния «эффекта колеи». Это относится ко всем вышеперечисленным странам — восточные общества традиционно имеют более тесные социальные связи, более склонны к кооперации. Кроме того, одной из функций социального капитала, по мнению Полищук и Меняшева [26], является защита формальных институтов от их нецелевого использования, то есть действия власти являются ответственными и подотчетными; в свою очередь, общество обладает гражданской и правовой ответственностью. Подобная высокая «институциональная дисциплина» позволила странам Восточной Азии осуществить кардинальные перемены в экономике и перейти на путь инновационного развития.

Так, в Японии, несмотря на исполнение функций верховной власти оккупационными силами США, значительная часть экономики функционировала по принципу ГЧП (государственно-частного партнерства), где государство устанавливало индикативные цели для каждой отрасли, поддерживала отрасли, находящиеся в сложном положении. Была осуществлена демилитаризация и демонополизация экономики, что в свою очередь послужило толчком к развитию высокотехнологичных отраслей [27]. Огура Масао, глава крупной транспортной компании Yamato Transport, отмечал, что в послевоенные годы в Японии сложилась благоприятная бизнес-среда, которая создавала возможность для развития малого и среднего бизнеса во всех сферах экономики [28]. В Южной Корее стимулом к модернизации экономики послужил государственный переворот и приход к власти генерала Пак Чон Хи. В результате укрепления формальных и неформальных институтов была ликвидирована коррупция, активно привлекался зарубежный капитал, были созданы крупные промышленно-финансовые компании — чеболи (Samsung, Hyundai, LG, Daewoo), был достигнут стабильный рост товарного экспорта и импорта, диверсифицирована экономика (развитие тяжелой промышленности и инновационных отраслей) [29]. В Китае под руководством Дэн Сяопина в 1978 году начались экономические и культурные реформы, нацеленных на создание рыночной экономики с китайской спецификой (в рамках так называемой «политики реформ и открытости»). В настоящее время Китай

является второй экономикой мира по номинальному ВВП, со средним темпом роста ВВП в 9,5% за последние 39 лет¹.

Таким образом, модернизация «восточного типа» подразумевает наличие авторитарной власти, её готовность осуществлять кардинальное обновление/изменение экономических и политических институтов, а также высокий уровень доверия в обществе и его восприимчивость к происходящим изменениям. При этом в процессе строгого исполнения государством своих непосредственных функций происходит рост благосостояния населения, среднего класса, относительная либерализация политических институтов. В этом заключается отличие её от консервативной модернизации, где политические институты и текущая правящая элита являются неприкасаемыми, изменения подчинены достижению целей верховной власти.

В России уровень социального капитала остается невысоким (последствия атомизации общества после распада СССР), номинально гарантируемые права и свободы не обеспечиваются на уровне всего общества, перераспределение доходов сырьевой экономики осуществляется среди крайне низкого процента населения. Таким образом, качество тех институтов, которые в обществах азиатского типа позволяют осуществлять достаточно радикальные перемены в экономике, является низким и ставит под вопрос возможности проведения в России «модернизации восточного типа» в кратко/среднесрочной перспективе.

Последним из предлагаемых вариантов является так называемая «западная» модернизация (вестернизация), получившая своё название в связи с социально-экономическими реформами в странах Европы и США. Наиболее укрупненной характеристикой западной модернизации является либерализм общественно-политических процессов, рыночная экономика с весьма ограниченным вмешательством государства в сферы частной жизни общества. Из всех вышеперечисленных вариантов модернизации вестернизация относится к органическому типу, то есть происходящие изменения являются следствием эволюции социальных, экономических, политических, культурных институтов. Частично выводы из концепции инклюзивных и экстрактивных институтов основаны как раз на примере модернизации стран Европы и США. Соответственно, черты инклюзивных экономических и политических институтов можно считать вполне точным описанием сути «западной» модернизации.

Необходимо отметить, что высокий уровень институционального развития в странах, успешно осуществивших модернизацию западного типа, обуславливается наличием продолжительного бифуркационного периода, когда могли происходить (и происходили) значительные институциональные изменения — в случае Европы это XVII–XVIII вв. (период войн и революций), США — XIX в. (период Войны за независимость и становления государственности). Экстрактивные институты, хоть и существовали, ещё не были закреплены «эффектом колеи», поэтому политические и экономические изменения в западных обществах удавалось осуществить.

¹ По данным мирового атласа данных Knoema. [Электронный ресурс] <https://knoema.ru/atlas/>

Итоги реформ 1990-х гг. в России, включавших в себя либерализацию цен в соответствии с принципами западной модернизации, либерализацию внешней торговли и приватизацию предприятий, а в политике — относительное многообразие политических сил, показали, что такой путь развития, не учитывающий характерные для России институциональные особенности, нельзя оценивать как вполне осуществимый. Как уже отмечалось ранее, трансплантация (импорт) институтов вполне возможна, но только при наличии соответствующих условий. В свою очередь, о постсоветских реформах приходится говорить как о попытках внедрить принципы частной собственности и свободного рынка в национализированную низко диверсифицированную экономику, а также политический плюрализм в унитарное авторитарное государство. Таким образом, существующая институциональная структура не соответствует принципам западной модернизации.

В таблице 1 систематизированы предложенные варианты осуществления социально-экономической модернизации в России с указанием субъективной оценки вероятности их реализации.

Таблица 1

Возможные варианты реализации социально-экономической модернизации в России

Тип модернизации	Наличие нужных институтов	Преимущества	Недостатки	Успешные примеры реализации	Вероятность реализации
Мобилизационное развитие	Да	Быстрый экстенсивный экономический рост	Создает дисбаланс в развитии институтов; Нет необходимости применения в современных условиях	Россия Швеция Пруссия Германия	низкая
Консервативная модернизация	Да	Подходящие институциональные условия	Отсутствие реальных стимулов у власти	Германия Великобритания Франция	высокая
Модернизация на основе рентоискательства	Частично	Возможность использования ренты для диверсификации экономики	Необходимость отказа от власти-собственности и присвоения рентных сверхдоходов	ОАЭ Саудовская Аравия Кувейт	средняя
«Восточная» модернизация	Нет/частично	Подходящие политические институты	Недостаточная степень накопления социального капитала	Япония Китай Южная Корея	средняя

«Западная» модернизация (вестернизация)	нет	Система инклюзивных экономических и политических институтов	Отсутствие условий внедрения, низкая эффективность в реалиях российского общества	США Великобритания Франция	Низкая/средняя
---	-----	---	---	----------------------------------	----------------

Таким образом, можно сделать следующие выводы относительно возможности осуществления социально-экономической модернизации в России:

1) «эффект колеи» как один из факторов, определяющих институциональную структуру общества, влияет на возможность осуществления социально-экономической модернизации в России и в определенной степени определяет её;

2) влияние «эффекта колеи» выражается в периодичности возникновения «точек бифуркации» – периодов, когда возможны кардинальные изменения институциональной структуры (чем влияние сильнее, тем ниже вероятность институциональных изменений);

3) модернизация по типу мобилизационного развития (дважды имевшая место в российской истории) существенно тормозит и создает дисбаланс в развитии институциональной структуры общества;

4) концепция инклюзивных и экстрактивных институтов неразрывно связана с понятием «эффекта колеи», поскольку возможность развития институтов до уровня инклюзивных напрямую зависит от траектории предшествующего развития общества;

5) рентоориентированное поведение и автократия власти в значительной степени ограничивают возможности осуществления социально-экономической модернизации;

6) консервативная модернизация является наиболее вероятным вариантом проведения реформ в экономике при сохранении действующих политических институтов;

7) модернизация по типу рентоискательства является предпочтительной альтернативой консервативной модернизации, однако для её осуществления особенно необходимо расширить полномочия субъектов РФ, прежде всего их возможности самостоятельного распоряжения доходами от использования природных ресурсов. Такой подход позволит осуществить диверсификацию экономики по примеру ОАЭ.

Литература

1. *Liebowitz, S J & Margolis, Stephen E.* Path Dependence, Lock-in, and History / *Journal of Law, Economics, and Organization* // Oxford University Press, 1995, vol. 11(1), pp. 205–226;
2. *Норт Д. К.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики // М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
3. *Нуреев Р.М., Латов Ю.В.* Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития) // Калининград. 2009. 294 с.
4. *Нуреев Р. М.* Россия после кризиса «эффект колеи» // *JIS*. 2010. № 2.

5. Полтерович В.М. Институциональные ловушки: есть ли выход? // *Общественные науки и современность*. 2004. № 3.
6. Нуреев Р. М., Латов Ю.В. Когда и почему разошлись пути России и Западной Европы (подход с позиции институциональной экономической истории) // *Мир России*. 2011. № 4. С. 24–59.
7. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / Пер. с англ. // М.: Прогресс, 1986. 432 с.
8. Балацкий Е.В., Плискевич Н.М. Экономический рост в условиях экстрактивных институтов: советский парадокс и современные события // *Мир России*. Социология. Этнология. 2017. № 4.
9. Васильев Л.С. Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) / Альтернативные пути к цивилизации: кол. Монография // М., 2000. С. 96–114.
10. Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция 68. Значение реформы Петра Великого [Электронный ресурс] URL: <http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/kluch/kluch68.htm>
11. Клямкин И.М. Постмилитаристское государство / Российское государство: вчера, сегодня, завтра // М.: Новое издательство. 2007. С. 11–30.
12. Оболонский А.В. На службе государевой: к истории российского чиновничества // *Общественные науки и современность*. 1997. № 5. С. 63–76.
13. Ленин В.И. Грозная катастрофа и как с ней бороться // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений в 55 томах. Т. 34 // Издательство политической литературы, 1958. С. 151–199.
14. Девлетов О.У. Экономическая история / Учебник. 2-е издание // М., 2013.
15. Асемоглу Д., Робинсон Дж.А. Почему одни страны богатые, а другие бедные / Происхождение власти, процветания и нищеты // М.: АСТ, 2016. 693 с.
16. Полтерович В.М. Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России) // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2016. № 5. С. 88–107.
17. Плискевич Н.М. «Path dependence» и проблемы модернизации мобилизационного типа // *Мир России*. 2016. № 2.
18. Ревинский Д.О. Патентование изобретений в России (1812–1870 гг.) / Экономическая история. Ежегодник. 2001 // М.: РОССПЭН, 2002. С. 339–376.
19. Полтерович В., Попов В., Тонис А. Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия» // М., ГУ-ВШЭ. 2007.
20. Латков А.В. Основные модели рентоориентированного поведения в современной экономике // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2007. №15.
21. Волков В. Политэкономика насилия, экономический рост и консолидация государства // *Вопросы экономики*. 1999. № 10. С. 44–59.
22. Zulkarnay, I. Why Russia Has Again Been Sliding from Federalism to Unitarianism // *Public Administration Issues, Special Issue* 2018, pp. 116–132.
23. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта / Социокультурная динамика России. Т. I. От прошлого к будущему // Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998, 804 с.
24. Матвеев Ю.И. Модернизация: теория и современность // *Известия ТулГУ. Гуманитарные науки*. 2012. №1.
25. Сапронова М.А. Арабо-мусульманский мир: история, география, общество // Казань: Казан. ун-т. 2013. 360 с.
26. Полищук Л., Меняшев Р. Экономическое значение социального капитала // *Вопросы экономики*. 2011. (12). С. 46–65.
27. Мозебах В. Японское "экономическое чудо": сущность и подходы к пониманию // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения*. 2018. №4.

28. *Masao O., Noble D.* Delivering the Goods: Entrepreneurship and Innovation In a Japanese Corporation // Tokyo: the international house of Japan. 2004. 218 p.
29. *Новиков И. В., Уткина В.А.* Экономическое развитие Южной Кореи // Экономика и бизнес: теория и практика. 2017. № 4.

S. Marichev (e-mail: prophet314@gmail.com)

Junior researcher

Centre for Strategic and Interdisciplinary Research of Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences

THE PROBLEM OF RUSSIA'S SOCIO-ECONOMIC MODERNIZATION AND THE "PATH DEPENDENCE" EFFECT

The article considers the problem of influence of the previous development trajectory, or the "path dependence" effect, on the existing institutional structure of Russia and the possibility of socio-economic modernization. The author claims that the said effect should be taken into account in regard to the concept of inclusive and extractive institutions. The factors of rent-oriented behavior and autocratic power are considered as clear manifestations of the "path dependence" effect hampering modernization. Several options for the implementation of socio-economic modernization in Russia are proposed considering the specifics of its institutional structure.

Keywords: "path dependence" effect, mobilization development, conservative modernization, inclusive institutions, rent-oriented behavior, autocracy, centralized power, patent law.

DOI: 10.31857/S020736760010112-2